

Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг.

М.А. Петрова

Институт всеобщей истории Российской академии наук

В статье, основанной на неопубликованных документах Архива внешней политики Российской империи, впервые раскрываются подробности малоизвестного эпизода из истории российской дипломатической службы – миссии полномочного министра Елизаветы Петровны курляндского графа Германа Карла фон Кейзерлинга во Франкфурте-на-Майне и Регенсбурге в годы Войны за австрийское наследство. Целью миссии было добиться признания императорского титула российских государей от императора и штатов Священной Римской империи. Как удалось установить, именно Кейзерлингу принадлежала идея направить официального представителя России на выборы императора во Франкфурт в 1745 г. и затем в 1746 г. на рейхстаг в Регенсбурге, утверждавший итоги выборов. Назначенный этим представителем, Кейзерлинг предложил наиболее простой и не ущемлявший престижа Елизаветы Петровны план – передать верительную грамоту с императорским титулом в коллегия курфюрстов, собравшихся на выборы, и получить от них рекредитивную (отпускную) грамоту, приложив все усилия, чтобы титул вошёл в состав её текста. Таким же образом следовало действовать и на рейхстаге. Главной задачей дипломата было не допустить обсуждения вопроса о титуле на заседаниях коллегии курфюрстов и рейхстага, поскольку детали обсуждения непременно попали бы в официальные документы учреждений и сделались бы достоянием общественности. Момент для решения этого деликатного вопроса оказался удачным: продолжавшиеся военные действия вынуждали имперские штаты искать помощи России, вследствие чего они готовы были оказать Елизавете Петровне услугу. Этим во многом объясняется успех миссии Кейзерлинга, пользовавшегося поддержкой имперских дипломатов – представителей курфюрстов Майнца, Саксонии, Богемии и на завершающем этапе курфюрста Бранденбурга, короля Дании и императора Франца I. В статье также рассматривается участие Кейзерлинга в деле признания совершеннолетним семнадцатилетнего великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского на год раньше положенного срока.

Ключевые слова: российская дипломатия, Коллегия иностранных дел, выборное собрание во Франкфурте-на-Майне, Постоянный рейхстаг в Регенсбурге, коллегия курфюрстов, Елизавета Петровна, Мария Терезия

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 10.11.2021

Принята к публикации: 10.12.2021

Международное признание императорского титула российских государей, принятого Петром I в 1721 г. после победы в Северной войне и заключения Ништадтского мира, растянулось на несколько десятилетий. Первыми честолюбивый поступок русского царя поддержали Пруссия в 1721 г. и Республика Соединённых провинций в 1722 г., затем Швеция в 1723 г. и Дания в 1724 г. Хотя в российско-британском торговом договоре 1734 г. и Белградском мирном договоре 1739 г., завершившем русско-турецкую войну 1735–1739 гг., Анна Иоанновна (1730–1740 гг.) именовалась императрицей, Великобритания и Османская империя до начала 1740-х гг. периодически отказывались давать этот титул российским монархам (Некрасов 1972: 389).

Едва ли не самым важным для Петра I и его наследников было признание титула со стороны Священной Римской империи германской нации: как самим императором, по-прежнему считавшимся первым в иерархии светских правителей Европы, так и имперскими штатами (*Reichsstände*, в отечественной историографии их также называют имперскими сословиями или чинами) – светскими и духовными. В настоящей статье на материалах переписки Коллегии иностранных дел 1745–1746 гг., хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, впервые в историографии будет подробно показано, каким образом удалось поставить точку в этом крайне чувствительном для престижа династии Романовых вопросе, с какими трудностями пришлось столкнуться российской дипломатии, и как их удалось преодолеть.

Указанные документы были введены в научный оборот знаменитым историком Н.Н. Бантыш-Каменским (1737–1814), с 1800 г. управляющим Архивом Коллегии иностранных дел. Не вдаваясь в детали, он восстановил последовательность событий, приведших к признанию российского императорского титула Священной Римской империей, во второй части своего фундаментального труда «Обзор внешних сношений России (по 1800 год)» (Бантыш-Каменский 1896: 1, 5). Состоящий из четырёх частей Обзор был подготовлен в 1801–1804 гг., став итогом более чем пятидесятилетних изысканий Бантыш-Каменского во вверенном ему учреждении. Автор не дождался выхода в свет своей книги – деньги на публикацию и необходимые дополнения были выделены из казны только несколько десятилетий спустя. В 1894–1897 гг. издание осуществила Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел в лице её «управителя дел» историка С.А. Белокурова (1862–1918). С тех пор, судя по листам использования архивных дел, к этим документам исследователи не обращались.

Проблема признания российского императорского титула в первой половине 1740-х гг.

В правление императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга (1711–1740), который одновременно был правителем наследственных владений

Австрийского дома, о признании российского императорского титула не могло быть и речи. Как писал историк А.В. Флоровский, в Вене полагали, что в Европе может существовать только один император, которому «принадлежала роль главы универсального христианского света», и менять свою точку зрения не собирались (Флоровский 1972: 393). В 1726 г. Екатерина I (1725–1727 гг.), заинтересованная в сотрудничестве с австрийским двором, согласилась именоваться в союзном договоре с Карлом VI как правителем Австрийской монархии «Освященным Всероссийским Величеством» (по латыни *Sacra Totius Russiae Majestas*) (Мартенс 1874: 34). В немецком тексте конвенций 1737–1739 гг., заключённых обеими державами накануне и во время совместной войны с Османской империей, Анна Иоанновна фигурировала как «Ея Величество Всероссийское» (*Ihre Mayestät von allen Reußen*) (Мартенс 1874: 71).

Кончина Карла VI 9 (20) октября 1740 г. подала российскому двору надежду изменить сложившееся положение дел: во Франкфурте-на-Майне должны были состояться выборы нового императора Священной Римской империи¹. С началом Войны за австрийское наследство в декабре 1740 г. они несколько раз откладывались. Война была вызвана отказом Франции, Пруссии, Баварии и на начальном этапе Саксонии признать право дочери покойного императора эрцгерцогини Марии Терезии (1717–1780) на владения Австрийского дома, зафиксированное в Прагматической санкции 1713 г.² Выборы, наконец, состоялись в январе 1742 г., и императором после трёхвекового пребывания Габсбургов на престоле Священной Римской империи был избран баварский курфюрст из династии Виттельсбахов Карл Альбрехт (под именем Карла VII, 1697–1745).

Хотя в России за тот же период сменились три монарха, в Петербурге внимательно следили за этими перипетиями. Нам ещё предстоит выяснить, каким образом правительство принцессы Анны Леопольдовны (1718–1746), регентши при малолетнем императоре Иоанне VI Антоновиче (1740–1764), принимало решение воспользоваться выборами, и как его собиралось реализовать. Можно предположить, что инициатива исходила от вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана (1686–1747), который с 1734 г. занимал пост президента Коллегии иностранных дел и уступил его в ноябре 1740 г., уже после смерти императрицы Анны Иоанновны, князю Александру Михайловичу Черкасскому (1680–1742), произведённому в канцлеры. Однако Остерман по-прежнему отвечал за внешнюю политику российского государства. Неудивительно, что именно к нему в начале 1741 г. обратился Фридрих Филипп фон Атценгейм (1702–1765), рези-

¹ Императоры избирались Коллегией курфюрстов, которых с 1692 г. было девять: три духовных (архиепископы Майнца, Трира и Кёльна) и шесть светских (король Богемии, курфюрсты Баварии, Саксонии, Бранденбурга, Браншвейг-Люнебурга и Пфальца).

² Фактически это был закон о престолонаследии, согласно которому наследственные земли Габсбургов в случае отсутствия у Карла VI сыновей могли перейти к его ещё не родившимся дочерям. При жизни императора Прагматическая санкция была официально признана всеми имперскими штатами, кроме Баварии, и ведущими европейскими державами.

дент курфюрста Брауншвейг-Люнебургского (или Ганноверского) и британского короля Георга II (1727–1760) во Франкфурте, и предложил за вознаграждение снабжать российский двор новостями о ходе выборов, на что получил согласие³. Анна Леопольдовна пользовалась и услугами давнего союзника России – саксонского курфюрста Фридриха Августа II (1733–1763), являвшегося одновременно польским королём Августом III. 18 февраля (1 марта) 1741 г. он предписал своему представителю во Франкфурте графу Иоганну Фридриху фон Шёнбергу (1691–1762) хлопотать на выборном собрании о признании императорского титула Иоанна Антоновича⁴.

После свержения императора 25 ноября (6 декабря) 1741 г. и ареста Остермана курфюрст Саксонский Фридрих Август II и прусский король Фридрих II (1740–1786) как курфюрст Бранденбурга обещали свою поддержку новой российской императрице Елизавете Петровне (1741–1761)⁵. В январе 1742 г. ганноверский резидент Атценгейм спрашивал канцлера Черкасского, сохранившего свой пост в новое царствование, стоит ли ему продолжать информировать российский двор об имперских новостях, как это было при Остермане, на что получил согласие Елизаветы Петровны. На данный момент известно, что усилия дружественных России держав во Франкфурте успеха не имели. В чём конкретно состояли эти усилия и почему они пропали втуне, предстоит разбираться в ходе дальнейшей работы. Возможно, с момента переворота дочери Петра I прошло слишком мало времени, чтобы курфюрсты на выборном собрании могли поддержать её притязания. Без ответа пока остаётся и вопрос о том, каким образом могла быть организована процедура признания титула Елизаветы Петровны на выборном собрании без участия её дипломатов. Правда, Фридрих Август II обещал российской государыне, что его представители при дворах других курфюрстов будут по-прежнему действовать в этом направлении⁶.

В марте 1742 г. Мария Терезия как королева Венгрии и Богемии, крайне заинтересованная в военной помощи России в соответствии с союзным договором 1726 г., обратилась к Елизавете Петровне с предложением признать её императорский титул при условии, что это не повлечёт изменений в их церемониальном общении, а если супруга эрцгерцогини, великого герцога Тосканского Франца Стефана (1708–1765), изберут императором, австрийский двор вернётся к прежней титулатуре российских государей. В результате длительных переговоров предложение было принято. 8 (19) июля 1742 г. Елизавета Петровна подписала краткую декларацию о том, что после признания за ней импера-

³ Упоминание об этом см.: Дневная записка Коллегии иностранных дел за 1742 г. 1870. *Архив князя Воронцова* (далее – АКВ). Москва. Т. 1. С. 126, 145.

⁴ См. упоминание об этом в рескрипте Фридриха Августа II графу Шёнбергу от 1 мая 1745 г.: *Архив внешней политики Российской империи* (далее – АВПРИ). Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 37.

⁵ АКВ. Т. 1. С. 111, 126–127.

⁶ Там же. С. 218, 219.

торского титула в общении России и Австрии сохранится прежний церемониал (Мартенс 1874: 127–129, Нелипович 2010: 294–295).

С новым императором Священной Римской империи отношения также складывались непросто. В марте 1742 г., вскоре после коронации, Карл VII направил в Петербург известительную грамоту о своём восшествии на престол. Принята она не была, поскольку не содержала императорского титула Елизаветы Петровны⁷. Отсутствовал он и в кредитивной (верительной) грамоте полномочного министра императора – барона Иосифа Марии Николауса Игнаца фон Нейгауза (1698–1758), прибывшего в Россию летом 1742 г. Переговоры по этому вопросу шли полтора года, в течение которых дипломат не допускался на официальную аудиенцию к императрице. Только 4 (15) января 1744 г. барон Нейгауз вручил Елизавете Петровне кредитивную грамоту⁸, в которой она была названа императорским величеством, однако это признание исходило исключительно от самого Карла VII и не являлось официальным актом Священной Римской империи.

Подготовка миссии Г.К. фон Кейзерлинга в Священную Римскую империю

27 июля (7 августа) 1744 г. Елизавета Петровна приняла решение направить к императорскому двору в Мюнхен своего представителя – тайного советника графа Германа Карла фон Кейзерлинга (1695/1696–1764)⁹. Курляндец-протестант, подданный Речи Посполитой, он состоял на российской службе с 1730 г. Побывав в должности вице-президента Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел и президента Академии наук, Кейзерлинг в 1734 г. во время Войны за польское наследство начал дипломатическую карьеру в ранге полномочного министра при польско-саксонском дворе. В том же ранге он должен был ехать в Мюнхен, но не успел, поскольку 9 (20) января 1745 г. Карл VII скоропостижно скончался.

Тогда Кейзерлинг предложил императрице направить на очередное выборное собрание во Франкфурт своего представителя, чтобы там решить вопрос о титуле. Рескриптом от 16 февраля 1745 г.¹⁰ Елизавета Петровна поручила эту деликатную миссию самому Кейзерлингу, отмечая его знания имперских дел и способности. Правда, в рескрипте ставилась под сомнение сама возможность аккредитации дипломата при коллегии курфюрстов или одном из двух викариев империи – курфюрста Саксонского в землях саксонского права и курфюрста Пфальца в землях салического права (швабских, рейнских, франконских). Ви-

⁷ Доклад Коллегии иностранных дел Елизавете Петровне от 20 марта 1742 г.: Там же. С. 294.

⁸ *Дневник докладов Коллегии иностранных дел. 1744 г.*: Там же. 1873. Москва. Т. 6. С. 3.

⁹ Там же. С. 125–126.

¹⁰ В Коллегии иностранных дел документы датировали старым стилем.

карии фактически замещали императора в период между кончиной старого и выборами нового. Поскольку у России не было опыта взаимодействия с институтами Священной Римской империи, в Петербурге почему-то полагали, что аккредитация дипломатического представителя могла быть расценена курфюрстами как вмешательство в её внутренние дела и попытка повлиять на исход выборов. Поэтому Кейзерлингу предписывалось ехать во Франкфурт в качестве «партикулярной в нашей службе находящейся персоны». Но если бы он счёл нужным получить публичный статус, Коллегия иностранных дел была готова предоставить ему кредитивную грамоту к союзнику России – саксонскому курфюрсту как имперскому викарию¹¹. Среди прочего, дипломату предстояло выяснить, сможет ли он впоследствии аккредитоваться при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи¹², чтобы в случае необходимости вести переговоры о признании титула Елизаветы Петровны и там. Созванный в 1663 г. рейхстаг в Регенсбурге был собранием всех штатов империи, а в рассматриваемую эпоху – преимущественно их представителей, которые заседали на постоянной основе в трёх коллегиях: курфюрстов, имперских князей (светских и духовных) и имперских городов.

Кейзерлинг должен был также хлопотать о признании совершеннолетним на год раньше семнадцатилетнего племянника Елизаветы Петровны – её наследника великого князя Петра Фёдоровича (1728–1762) как герцога Гольштейн-Готторпского, чтобы он мог вступить во владение своими землями, которыми управлял опекунский совет¹³. Отметим, что в документах Коллегии иностранных дел (в том числе в реляциях Кейзерлинга) Пётр Фёдорович назван герцогом Шлезвиг-Гольштинским, хотя Дания ещё в 1711 г. захватила Шлезвиг, принадлежавший его отцу – герцогу Карлу Фридриху.

Большая часть рескрипта от 16 февраля, составленного канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым (1693–1766), посвящена размышлениям о том, кому может достаться императорская корона Священной Римской империи и какой кандидат более предпочтителен для России. Избрание саксонского курфюрста вызвало бы «замешательства» в польских делах и, возможно, привело бы к возвращению на выборный престол Речи Посполитой ставленника Франции короля Станислава Лещинского. Этого в Петербурге не могли допустить и даже предписали Кейзерлингу при отъезде из Дрездена сказать первому саксонскому министру графу Генриху фон Брюлю (1700–1763), что Фридриху Августу II лучше быть одним из уважаемых и почитаемых курфюрстов, нежели презираемым императором. Предостережением должен был служить печальный пример баварца Карла VII, не справившегося с бременем императорской

¹¹ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 1–2 об.

¹² В документах Коллегии иностранных дел рейхстаг называли Имперским сеймом, или Имперским собранием, или Имперским съездом.

¹³ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 12 об.–13 об.

власти и не имевшего ни сил, ни средств, чтобы поддерживать блеск своего двора. Его сын и наследник, по имевшейся информации, не собирался претендовать на императорскую корону, как и курфюрст Пфальца – представитель другой ветви династии Виттельсбахов. Обоих могла вынудить к этому Франция, но после пяти лет европейской войны такой поворот казался маловероятным. Не желала Россия и усиления прусского короля Фридриха II, чьи шансы на получение императорской короны в Петербурге оценивали невысоко, но опасались, чтобы он какой-нибудь «нечаянной хитростью» не привлёк на свою сторону голоса других курфюрстов. В амбиции курфюрста Брауншвейг-Люнебурга Елизавета Петровна и её министры отказывались верить: Ганноверский дом не мог в здравом уме променять «наследную аглинскую на избирательную и, следовательно, по кончине каждого государя сумнительству в выборе подлежащую императорскую корону»¹⁴.

Более вероятным в Петербурге считали возвращение императорской короны в Австрийский дом через избрание или супруга Марии Терезии Франца Стефана, или её старшего сына эрцгерцога Иосифа (1741–1790). Однако фразу о том, что такой расклад был бы выгоден России, поскольку опасности со стороны Австрии в настоящее время не предвиделось, Елизавета Петровна приказала вычеркнуть из текста рескрипта, чтобы Кейзерлинг во Франкфурте случайно не сказал лишнего о позиции российского двора и не дал имперским штатам повод «думать, якобы Её Императорское Величество и прямо к тому соизволяет, чтоб корона императорская по-прежнему в Аустрийской дом досталась»¹⁵. Поэтому дипломату предписывалось в частных разговорах во Франкфурте всячески подчёркивать «импарциальность», т.е. беспристрастность, Елизаветы Петровны и одновременно попытаться выяснить, к кому склоняется выбор коллегии курфюрстов¹⁶.

В ответной реляции от 12 (23) марта 1745 г. Кейзерлинг развеял практически все опасения российского двора, продемонстрировав прекрасное знание законов Священной Римской империи и отдельных прецедентов, имевших параллели с нынешней ситуацией. По его словам, аккредитация представителей иностранных держав при имперских викариях в отсутствие избранного императора была обычной практикой так же, как и аккредитация при коллегии курфюрстов. Второй вариант дипломат считал предпочтительнее, поскольку Россия уже имела миссию при дворе саксонского курфюрста. Подчёркивая значение коллегии курфюрстов как учреждения, обсуждавшего важнейшие дела империи, Кейзерлинг заверял Елизавету Петровну, что сам факт аккредитации

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Протоколы приёмов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. 2007. Публ. К.А. Писаренко. *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах*. Москва. Т. XVI. С. 76–77 (протокол заседания от 12 февраля 1745 г.).

¹⁶ *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 10–11.

иностранных дипломатов курфюрсты никогда не расценивали как вмешательство в выборы. Он перечислил примеры пребывания папского нунция, французского, испанского, венецианского и тосканского послов на выборах императора Матиаса в 1612 г., английского и испанского министров на выборах Фердинанда II в 1619 г., испанского и французского – на выборах Леопольда I в 1658 г. и Карла VII в 1742 г. Кейзерлинг высказался вполне определённо, что, не обладая публичным статусом, он не сможет приступить к каким бы то ни было переговорам¹⁷. В качестве образца он направил в Петербург копию кредитивной грамоты от 13 февраля 1741 г. (н. ст.) для графа К.Г. де Монтихо (1693–1763), чрезвычайного посланника и полномочного министра испанского короля Филиппа V на предыдущем выборном собрании во Франкфурте¹⁸.

Что касается признания совершеннолетия имперских князей в 17 или даже 16 лет, то в истории Священной Римской империи XVI–XVIII вв. таких примеров было немало. Среди недавних – герцог Вюртембергский Карл Евгений (1728–1793) и баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф (1727–1777), вступившие в управление своими землями до достижения 18 лет. Жаловалось совершеннолетие только по указу императора, однако в пятой главе Золотой буллы 1356 г., посвящённой правовому положению викариев империи, пожалование совершеннолетия не было упомянуто ни в числе прав, принадлежавших им, ни в числе так называемых резерватных, или исключительных, прав императора. А поскольку, заключал Кейзерлинг, что не запрещено законом, то разрешено, то один из викариев империи – например, курфюрст Саксонский как союзник России – мог бы оказать подобную милость великому князю Петру Фёдоровичу¹⁹.

О возможных претендентах на корону Священной Римской империи Кейзерлинг высказывался осторожно. Шансы протестантов – прусского короля и ганноверского курфюрста – он оценивал невысоко, поскольку большинство в коллегии принадлежало католикам. Курфюрсты Баварии и Пфальца не желали повторять печальный опыт своего предшественника и родственника Карла VII. Российский дипломат намекал о неких предварительных договорённостях в пользу супруга Марии Терезии Франца Стефана, но его негерманское происхождение (он был урожденным герцогом Лотарингским) могло стать препятствием. Вопрос о допущении Марии Терезии к участию в голосовании Кейзерлинг считал решённым²⁰, видимо, потому что по Бреславльскому мирному договору между Австрией и Пруссией от 1 (11) июня 1742 г. она была признана королевой Богемии и, следовательно, одним из курфюрстов.

Реляция была доставлена в Петербург 27 марта (7 апреля) 1745 г. Удовлетворившись подробнейшим ответом Кейзерлинга, Елизавета Петровна 9 (20) апре-

¹⁷ Там же. Д. 36. Л. 29–29 об.

¹⁸ Там же. Л. 21–21 об.

¹⁹ Там же. Л. 36 об.–44.

²⁰ Там же. Л. 30 об.–34 об.

ля подписала ему кредитивную грамоту как полномочному министру на выборном собрании во Франкфурте-на-Майне. В документе говорилось, что этот жест делается «для восстановления и утверждения впредь между Российской и Германскою Империями всегда пребывающей дружбы». Грамота была составлена на русском языке с использованием большого императорского титула, запечатана большой государственной печатью и сопровождалась переводом на латинский язык²¹. Вручить её можно было, только предварительно удостоверившись, «что отказу в принятии не последует». Кейзерлинг должен был прозондировать почву по дипломатическим каналам и убедиться, что если не все, то по крайней мере большинство курфюрстов готовы признать императорский титул Елизаветы Петровны. В противном случае дипломату следовало остаться «партикулярною персоною»²².

Тем временем 11 (22) апреля 1745 г. сын покойного императора Карла VII баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф заключил сепаратный мир в Фюссене с Марией Терезией на основе довоенного статус-кво, отказавшись от притязаний на императорскую корону. После этого, как и предполагал А.П. Бестужев, в Версале возник план избрания императором саксонского курфюрста Фридриха Августа II и возвращения польской короны свергнутому в 1735 г. Станиславу Лещинскому. Россия выступала против такой рокировки, поскольку стремилась сохранить своё влияние в Польше в союзе с дружественной саксонской династией Веттинов (Анисимов 2020: 179)²³. Плану французского двора не суждено было сбыться: после вторжения Фридриха II в Саксонию 14 (25) августа 1745 г. имперские чины, во многом в отместку ему, 2 (13) сентября избрали императором супруга Марии Терезии великого герцога Тосканского Франца Стефана под именем Франца I. 23 сентября (4 октября) состоялась его коронация.

Миссия Г.К. фон Кейзерлинга во Франкфурте-на-Майне

Кейзерлинг прибыл во Франкфурт в мае 1745 г. и вскоре написал в Петербург, что никаких затруднений с принятием верительной грамоты коллегией курфюрстов возникнуть не должно, «ибо помянутой коллегии тем больше к чести и дистинкции (отличности. – М.П.) касается, коль больше их собрание чрез отправленные посольства знаки высокопочитания получает»²⁴. Другими словами, курфюрсты были заинтересованы в аккредитации иностранных дипломатов, поскольку это придавало вес не только самой коллегии, но и её членам,

²¹ Отпуск грамоты на русском языке и её перевод на латинский язык см.: Там же. Д. 1. Л. 1–2, 3–3 об.

²² Рескрипт Кейзерлингу от 16 апреля 1745 г.: Там же. Д. 3а. Л. 84–87 об.

²³ Фридрих Август II, как и покойный Карл VII, был женат на дочери императора Иосифа I Габсбурга (1705–1711 гг.): Фридрих Август – на Марии Йозефе, Карл – на Марии Амалии.

²⁴ Реляция Кейзерлинга от 28 мая (8 июня) 1745 г.: *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 103–103 об. Цитируемые в тексте статьи фрагменты реляций Кейзерлинга даются в переводе, сделанном Коллегией иностранных дел сразу по их получению, сами реляции составлены на немецком языке.

последовательно отстаивавшим свои суверенные права после Вестфальского мира 1648 г. Дипломат рассчитывал по окончании выборов получить от коллегии курфюрстов рекредитивную (отпускную) грамоту на своё имя, которая при благоприятном исходе должна была подтвердить его статус полномочного министра российской императрицы. Пример коллегии курфюрстов, по мнению Кейзерлинга, облегчил бы признание титула Елизаветы Петровны на рейхстаге в Регенсбурге, утверждавшем итоги выборов. Новый император мог бы направить имперским штатам специальный комиссионный декрет по этому поводу. Но куда лучше было бы просто аккредитовать российского министра при рейхстаге и по окончании заседаний получить от него рекредитив. Таким образом, щекотливое дело могло разрешиться без каких бы то ни было переговоров. Кейзерлинг просил также снабдить его грамотой к магистрату города Франкфурта, как это делали все иностранные министры, тем более что Россия впервые направляла своего представителя в этот город²⁵.

Желая поддержать усилия Кейзерлинга, Елизавета Петровна 11 (22) июня 1745 г. повелела выплачивать ему сверх обычного жалования 500 рублей в месяц «на стол», чтобы он мог «с пристойностию себя содержать» в обществе избирательных посланников, от которых зависело признание её императорского достоинства²⁶. Тогда же, в июне, саксонский курфюрст пожаловал совершеннолетие великому князю Петру Фёдоровичу²⁷. Впоследствии все пожалования, сделанные викариями в период междуцарствия, были закреплены в параграфе 20 избирательной капитуляции нового императора Франца I²⁸. В Петербурге полагали, что единственной причиной, по которой имперские штаты могли бы оспорить признание совершеннолетия великого князя, был его переход в православие, поскольку в законах Священной Римской империи эта конфессия не была упомянута в числе свободно исповедуемых на её территории²⁹. Кейзерлинг развеял эти опасения, ссылаясь на свободу совести, закрепившуюся в Германии в результате долгих религиозных войн. И хотя формально её действие распространялось только на католиков, кальвинистов и лютеран, православное вероисповедание великого князя, по мнению дипломата, не могло стать препятствием к вступлению во владение голштинскими землями³⁰.

6 (17) июля 1745 г. Елизавета Петровна подписала грамоту, адресованную магистрату вольного города Франкфурта, уведомляя о пребывании в нём её полномочного министра на время выборов императора³¹. Приезд Кейзерлинга

²⁵ Там же. Л. 105–107 об.

²⁶ Там же. Д. За. Л. 111–111 об.

²⁷ См. циркулярный рескрипт от 15 июня 1745 г. об этом, адресованный всем российским дипломатам: Там же. Л. 114–115.

²⁸ См.: Wahlkapitulation Franz' I., Frankfurt am Main, 13. September 1745. Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519–1792. Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015. S. 470.

²⁹ Рескрипт Кейзерлингу от 22 июня 1745 г.: *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. За. Л. 120 об.–121.

³⁰ Перевод реляции Кейзерлинга от 16 (27) июня 1745 г.: Там же. Д. 4. Л. 278 об.–280 об.

³¹ Отпуск грамоты на русском языке и её перевод на немецкий см.: Там же. Д. 1. 8–9, 10–11.

во Франкфурт вызвал ажиотаж среди имперских штатов, чьи земли были разорены продолжавшейся Войной за австрийское наследство, причём на заступничество Елизаветы Петровны надеялись обе противоборствующие стороны. В июне 1745 г. курфюрст Пфальца Карл IV Теодор (1724–1799) даже направил ей грамоту с рассказом о бедственном положении своих земель, пострадавших от австрийских войск. В грамоте, составленной на латинском языке, российская государыня была названа не императорским величеством (*Imperatoria Majestas*), а «цесарским величеством» (*Cesarea Majestas*), как это было принято в обращении к императору Священной Римской империи³². Кейзерлинг даже обратился к А.П. Бестужеву с вопросом, стоит ли принимать такой документ. Канцлер велел незамедлительно сделать это, потому что «на латинском языке слово цесарское ещё приличнее, нежели императорское»³³.

Верительную грамоту в коллегия курфюрстов Кейзерлинг передал только 14 (25) августа 1745 г., дождавшись, когда в город приедут все избирательные посланники, и убедившись в неформальном общении с ними, что грамота будет беспрепятственно принята, а следовательно, и императорский титул Елизаветы Петровны не вызовет возражений. В соответствии с процедурой документ был передан через российского секретаря посольства Георга Генриха Бютнера (1703?–1758) барону Иосифу Францу фон Кессельштату (1695–1750), первому избирательному посланнику курфюрста и архиепископа Майнца как эрцканцлера Священной Римской империи³⁴.

Уже после выборов и коронации императора, 25 сентября (6 октября) 1745 г., коллегия курфюрстов вручила Кейзерлингу рекредитивную грамоту, в которой он был назван полномочным министром императрицы и самодержицы Всероссийской. Грамоту подписали собственноручно курфюрст Майнца Иоганн Фридрих Карл фон Оштайн (1689–1763) и курфюрст Трира Франц Георг фон Шёнборн (1682–1756), а также первые избирательные послы: курфюрста Кёльна – граф Фердинанд Леопольд фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (1692–1750), королевы Богемии – граф Иоганн Вильгельм фон Вурмбрандт (1670–1750), баварского курфюрста – Йозеф Франц Мария фон Зайнсхайм (1707–1787), курфюрста Саксонии – граф Иоганн Фридрих фон Шёнберг и курфюрста Брауншвейг-Люнебурга – Герлах Адольф фон Мюнхгаузен (1688–1770)³⁵. Курфюрст Пфальца Карл IV Теодор и прусский король Фридрих II как курфюрст Бранденбурга, главные противники Габсбургов, приказали своим избирательным послам покинуть Франкфурт до выборов и потому в них участия не принимали, однако императорское достоинство Елизаветы Петровны ими также не подвергалось сомнению. Вскоре коронованный глава Священной Римской

³² Копию грамоты от 21 июня 1745 г. на латинском языке см.: Там же. Д. 4. Л. 182–183 об.

³³ Рескрипт Кейзерлингу от 6 июля 1745 г.: Там же. Д. 3а. Л. 141 об.

³⁴ См. перевод реляции Кейзерлинга от 16 (27) августа 1745 г.: Там же. Д. 5. Л. 50–52 об.

³⁵ Оригинал грамоты и конверт с печатями см.: Там же. Д. 2. Л. 1–4 об.

империи Франц I направил в Петербург камергера барона Иоганна Франца фон Претлака (1708–1767) с известительной грамотой от 13 октября 1745 г. о своём восшествии на престол и коронации. В этом документе российская государыня именовалась императрицей³⁶.

Кейзерлинг переслал грамоту курфюрстов и ответную грамоту магистрата города Франкфурта Елизавете Петровне, также содержащую императорский титул, через секретаря посольства Филиппа Рейнхарда Гмелина³⁷. В реляции от 9 (20) октября, к которой эти документы были приложены, дипломат особо отметил усердие саксонских конференц-министров и тайных советников графа Шёнберга и Кристиана фон Лосса (1697/1698–1770) и первого министра курфюрста Майнца барона Филиппа Кристофа фон Эрталья (1689–1748) в деле признания титула: «Они старательства мои прилежнейше подкрепляли и принятие резолюции и оной совершение поспешествовать ревностнейше тщались (старались – М.П.)». Кейзерлинг подчёркивал, что дело решилось без всяких переговоров, «якобы собою и без моего о том отзыву»: его помощники «сие дело в движение привели и поданным под рукою основаниям и представлениям в своих собраниях употребление чинили». Поэтому он предложил Елизавете Петровне наградить всех троих орденом святого Андрея Первозванного. Кроме того, Шёнберг и Эрталь в скором времени должны были выехать на рейхстаг в Регенсбург, где их услуги могли также понадобиться России³⁸.

Рескриптом от 14 декабря 1745 г. российская императрица дала на это своё «всемиловитейшее соизволение», но решила отложить пожалование на некоторое время, «чтоб не могли от того производиться посторонния мнения, якобы мы сие признание титулатуры какою-либо куплею или подарками при коллегии курфирстской бывших полномочных министров себе доставить хотели»³⁹. Императрица также велела отложить повышение в чине Кейзерлинга, за которого ходатайствовал Бестужев, чтобы курфюрсты не связали между собой два события и не подумали, сколь желанным для неё было признание императорского титула⁴⁰. Только 24 апреля (5 мая) 1746 г. российский дипломат был произведён в действительные тайные советники и назначен полномочным министром к прусскому двору, а Шёнберг, Лосс и Эрталь были пожалованы орденом Андрея Первозванного⁴¹.

³⁶ Оригинал грамоты на латинском языке с собственноручной подписью Франца I см.: Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 2. Д. 134. Л. 2–2 об., 5 об. Благодарю заместителя директора Института славяноведения РАН д.и.н. О.В. Хаванову за указание на этот документ.

³⁷ Оригинал грамоты на немецком языке и конверт с печатью города Франкфурта: *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 2. Л. 11–12 об.

³⁸ Там же. Д. 5. Л. 249–250.

³⁹ Там же. Д. 3а. Л. 242–242 об.

⁴⁰ Протоколы приемов... С. 211.

⁴¹ См. об этом в рескрипте Г.К. фон Кейзерлингу от 11 мая 1746 г.: *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1746. Д. 1. Л. 27–30 об.

Но прежде Кейзерлингу предстояло из Франкфурта отправиться в Регенсбург. Ещё в августе 1745 г. Елизавета Петровна выразила готовность аккредитовать его на рейхстаг Священной Римской империи и приказала выяснить, от чьего имени следовало составить верительную грамоту – от её собственного или великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского⁴². Кейзерлинг считал необходимым, чтобы его аккредитовали от имени Елизаветы Петровны. Тогда в ответ на верительную грамоту он мог бы получить от рейхстага рекредитив, действуя по той же схеме, что и на выборном собрании во Франкфурте⁴³. Императрица подписала эту грамоту 23 сентября (4 октября) 1745 г.⁴⁴.

Российский дипломат также советовал направить в Регенсбург специально-го представителя великого князя Петра Фёдоровича, который мог бы добиться включения Гольштейн-Готторпа в число имперских штатов, имевших индивидуальный голос в светской курии коллегии имперских князей (*Reichsfürstenrat*) рейхстага⁴⁵. В литературе есть указание на то, что с 1739 г. от Гольштейн-Готторпа на рейхстаге присутствовал Иоганн Каспар фон Погарелл и Кучерборвиц (Düwel 2016: 206), но его имя в корреспонденции Коллегии иностранных дел за 1745–1746 гг. не упоминается.

Представителем Петра Фёдоровича Елизавета Петровна назначила юного графа Захара Григорьевича Чернышева (1722–1784), камер-юнкера великой княгини Екатерины Алексеевны (1729–1796), хотя продолжала сомневаться, что он как православный будет принят и аккредитован при рейхстаге⁴⁶. Поэтому Чернышеву даже не сообщили в подробностях о цели его поездки в Германию, лишь предписали отправиться во Франкфурт к Кейзерлингу, который должен был снабдить его необходимыми инструкциями⁴⁷. Тот был несколько удивлён выбором персоны для столь ответственного поручения и поделился своими сомнениями с канцлером Бестужевым. Выполнение этого поручения требовало безукоризненного знания немецкого языка, законодательства Священной Римской империи и публичного права. Вероисповедание Чернышева тоже могло стать препятствием для работы на рейхстаге. При этом молодой человек явно вызвал симпатию Кейзерлинга, и он был готов всячески ему помогать⁴⁸. Но высказанные сомнения сделали своё дело: Чернышев приехал во Франкфурт 13 (24) ноября 1745 г., а уже 25 февраля (8 марта) 1746 г. ему было предписано без промедления вернуться в Россию с максимально деликатной формулиров-

⁴² Там же. 1745. Д. За. Л. 151–152.

⁴³ Перевод реляции от 2 (13) сентября 1745 г.: Там же. Д. 5. Л. 137–137 об.

⁴⁴ Черновики грамоты на русском и латинском языках: Там же. Д. 1. Л. 12–12 об., 14.

⁴⁵ Перевод реляции от 30 августа (10 сентября) 1745 г.: Там же. Д. 5. Л. 120–123.

⁴⁶ Протоколы приемов... С. 177.

⁴⁷ Там же. С. 180, 188–189. Рескрипт Чернышеву от 30 сентября 1745 г.: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 6. Л. 23–23 об.

⁴⁸ См. перевод писем Кейзерлинга А.П. Бестужеву от 21 октября (1 ноября) и 15 (26) ноября 1745 г.: Там же. Д. 5. Л. 354–355, 414–415 об.

кой: «для различности религии многие к тому препятствию и затруднению при сейме причинятся и, следовательно, интересам Его Императорского Высочества больше повреждения, нежели пользы быть может»⁴⁹. Из-за тяжёлой болезни отъезд Чернышева был отложен до 18 (29) апреля 1746 г.

Кейзерлинг по той же причине оставался во Франкфурте до середины мая, но в заседаниях рейхстага пока был перерыв – имперские штаты проводили собрания по округам империи. Как только российскому дипломату стало лучше, он поехал в Майнц и посетил курфюрста, с которым был уже знаком. Тот обещал проинструктировать своего представителя на рейхстаге – главного директориального посланника (*Direktorialgesandte*) барона Филиппа Вильгельма Альберта фон Линкера (1710–1779) – помогать российскому дипломату во всех делах и выразил надежду, что Россию свяжет со Священной Римской империей «неразрушимой узл дружбы для утверждения всеобщаго покоя, а особливо при нынешних временах и в разсуждении Пруссии»⁵⁰. Хотя 14 (25) декабря 1745 г. Австрия, Пруссия и Саксония заключили мирный договор в Дрездене, закрепивший потерю Габсбургами Силезии и графства Глац и их переход к Пруссии, военные действия переместились в Австрийские Нидерланды и на территорию современной Италии.

Миссия Г.К. фон Кейзерлинга в Регенсбурге

Вернувшись во Франкфурт из Майнца, Кейзерлинг снова заболел и прибыл в Регенсбург только 30 мая (10 июня) 1746 г. Накануне отъезда он ознакомился с текстом рескрипта курфюрста барону Линкеру, отметив в письме Бестужеву от 27 мая (7 июня), что «оной рескрипт в таких силных терминах сочинен, что из того истинное желание, дабы себя полезными показать и имеющихся добрые намерения и преданность действительными опытами оказать»⁵¹. Дорога отрицательно подействовала на здоровье Кейзерлинга. Верительную грамоту в Директорию рейхстага он передал почти месяц спустя – 25 июня (6 июля) 1746 г. снова через секретаря посольства Бютнера⁵². Через несколько дней её текст был объявлен на очередном заседании рейхстага и внесён в официальные документы, после чего магистрат Регенсбурга преподнес российскому дипломату традиционный подарок – вино и рыбу⁵³.

Кейзерлинг, уже получивший рескрипт о назначении в Берлин, всё-таки предпочёл повременить с выполнением своих поручений на рейхстаге до прибытия главного императорского комиссара (*Prinzipalkommissar*) – князя Иосифа

⁴⁹ Там же. Д. 6. Л. 24–24 об.

⁵⁰ Перевод реляции от 2 (13) мая 1746 г.: Там же. 1746. Д. 2. Л. 160–162 об.

⁵¹ Там же. Л. 178–178 об.

⁵² Перевод реляции от 26 июня (7 июля) 1746 г.: Там же. Л. 241–242.

⁵³ Там же. Л. 251.

Вильгельма Эрнста цу Фюрстенберга-Штюлингена (1699–1762), с которым был лично знаком, чтобы «пристойным образом и бесприметно навеститься», получил ли он от венского двора указания способствовать признанию российского императорского достоинства. По мнению Кейзерлинга, императору было бы приятно узнать, что в этом деле Россия решила воспользоваться помощью его представителя⁵⁴. В середине июля Фюрстенберг прибыл в Регенсбург, но спешно уехал в Вену, не пообщавшись ни с кем из дипломатов, а рейхстаг объявил перерыв в заседаниях на шесть недель. Они возобновились только в начале октября.

В середине августа Кейзерлинг получил официальное известие из Петербурга о заключении 22 мая (3 июня) 1746 г. российско-австрийского союзного договора и его последующей ратификации. Договор включал нескольких секретных статей, в том числе статью о гарантии голштинских владений Петра Фёдоровича и возвращении ему при благоприятных обстоятельствах Шлезвига. Приложением к тексту договора стала декларация императора Франца I, в которой он брал на себя обязательства способствовать выполнению условий этой статьи не только как соправитель Марии Терезии в наследственных владениях Габсбургов, но и как глава империи. Таким образом венский двор пытался добиться помощи российского двора в продолжение борьбы с Пруссией. Во всех перечисленных документах российская государыня была названа её императорским величеством (Мартенс 1874: 163–165, 177–178).

1 (12) сентября 1746 г. Кейзерлинг сообщил Елизавете Петровне, что, согласно обычаю, для получения рекредитивной грамоты иностранные дипломаты передают в Директорию рейхстага отзывную грамоту от своих дворов в знак любезности к имперским штатам⁵⁵. Коллегия иностранных дел подготовила российскому министру такую грамоту 23 октября (3 ноября) и отправила её 1 (12) ноября⁵⁶. Грамота была составлена по-русски с использованием большого императорского титула, к ней был пришит перевод на латинский язык. 1 (12) декабря Кейзерлинг сообщил Бестужеву о вручении отзывной грамоты в Директорию рейхстага⁵⁷. Ровно неделю спустя в его руках уже был желанный рекредитив на латинском языке, составленный 5 (16) декабря от имени представителей курфюрстов, князей и других имперских штатов. Они заверяли российскую императрицу в своей искренней дружбе и благодарили её за отправленное на рейхстаг полномочного министра, который «по своим преизящным и отличным качествам, особливому искусству и истинности в своих негоциациях» им весьма приятен был⁵⁸. 30 декабря 1746 г. (10 января 1747 г.) грамоту доставил в Петербург ротмистр Каспар Шерер.

⁵⁴ Перевод реляции от 3 (14) июля 1746 г.: Там же. Л. 248–249.

⁵⁵ Там же. Л. 340–341 об.

⁵⁶ Там же. Д. 1. Л. 88–89.

⁵⁷ Там же. Д. 2. Л. 440–440 об.

⁵⁸ Копия грамоты на латинском языке и её перевод на русский язык: Там же. Д. 4. Л. 1–2, 5–8 об.

Вопреки ожиданиям получение рекредитива сопровождалось немалыми трудностями, о чём Кейзерлинг подробно рассказал в обширной реляции от 13 (24) декабря 1746 г. Самым неприятным сюрпризом стала грамота герцога Саксен-Веймарского Эрнста Августа I (1688–1748), адресованная членам коллегии имперских князей. В ней говорилось, что российская императрица отправила представителя на рейхстаг исключительно ради признания своего титула, что якобы в обмен на это признание она уже гарантировала курфюрстам во Франкфурте, что будет именовать их «ваша курфюрстская светлость» (*Eure Churfürstliche Durchlaucht*), а её дипломаты будут оказывать их послам те же почести, которые оказывают послам коронованных особ. Вследствие чего герцог предлагал вынести вопрос о титуле на заседание коллегии имперских князей, чтобы и они смогли выговорить себе ряд почестей – именование «светлейший князь» (*Durchlauchtigster Fürst*), обращение «ваша светлость» (*Eure Durchlaucht*) – и приравнять своих посланников к послам коронованных особ.

Имея личные связи с дипломатами на рейхстаге, Кейзерлинг сумел разоблачить явную ложь о проведении подобных переговоров на выборном собрании во Франкфурте и доказать бессмысленность расчётов герцога Саксен-Веймарского. Россия давно уже использовала в общении с курфюрстами и «старыми» имперскими князьями (т.е. получившими свои лены от императоров до 1582 г.) обращение «светлость», о чём многие из них, в том числе и герцог Саксен-Веймарский, могли найти подтверждение в собственных архивах. Не ставила под сомнение Россия и статус курфюрстов, приравненных к коронованным особам после Вестфальского мира 1648 г., а следовательно, и их дипломатов. Претензии имперских князей на такой же статус вызывали противодействие курфюрстов и бесконечные споры о рангах между их представителями, в которые иностранные дипломаты предпочитали не вмешиваться. Поэтому единственной целью герцога Саксен-Веймарского было вынести вопрос о титуле Елизаветы Петровны на заседание коллегии имперских князей и сделать его предметом обсуждения на рейхстаге независимо от результата. Российский дипломат подозревал, что это делалось по наущению и на деньги французского двора.

Уладив одну проблему, Кейзерлинг неожиданно столкнулся с другой. В его отзывной грамоте обнаружили ошибки: в словосочетании «Священная Римская империя» из-за оплошности канцеляриста было опущено первое слово. Сама грамота была адресована «курфюрстам и чинам империи» без упоминания имперских князей. Но в этом Коллегия иностранных дел следовала образцу британских и французских отзывных грамот, присланных Кейзерлингом. На рейхстаге был пущен слух, что якобы документ был намеренно составлен таким образом, чтобы у империи «признанный предикат» отнять, а имперских князей уравнивать с имперскими городами. Российскому дипломату пришлось даже направить в Директорию рейхстага специальную ноту и объяснить, что опущение слова «князья» в грамоте, содержащей уверения в дружбе, могло произойти только из-за канцелярской ошибки. За отсутствие слова «священная» он изви-

нился на словах, поскольку знал, что рейхстаг неоднократно принимал грамоты и без него.

Тем не менее посланник герцога Саксен-Веймарского граф Геринг вынес этот вопрос на голосование в коллегии имперских князей. Первое заседание, созванное по горячим следам, Кейзерлингу удалось сорвать (каким образом – он умолчал), а ко второму, проходившему 5 (16) декабря, представители имперских князей были уже настроены миролюбиво и подавляющим большинством голосов решили закрыть глаза на допущенные в тексте ошибки и выдать российскому дипломату рекредитив, содержащий императорский титул. По словам Кейзерлинга, он приложил немало усилий, чтобы в протокол заседания попали только подробности голосования по вопросу об ошибках, а всё, что касалось непосредственно признания титула, не было обозначено как предмет переговоров⁵⁹. В итоге представители имперских князей ограничились в протоколе формулировкой, что «русской монархине императорской титул по самопроизвольному согласию чинов впредь даван был» (*daß der Russischen Monarchin der Kayserliche Titul ex libera statuum voluntate et consense künftighin zu geben wäre*)⁶⁰. С этим согласилась и коллегия имперских городов.

Важную роль в успешном завершении миссии сыграли сотрудники Директориальной канцелярии курфюрста Майнца и его дипломаты: секретарь посольства Франц Христоф Иоаким Цинк, канцеляристы Иоганн Эрнст Марклофф и Ансельм Франц Йозеф Эдель, готовившие документы и вносившие в протокол резолюции рейхстага. В промемории на имя канцлера Бестужева от 9 апреля 1747 г. они утверждали, что за услуги Кейзерлинг обещал им вознаграждение, которого они так и не получили и на которое по-прежнему рассчитывали, уповая на щедрость российской императрицы и великодушие её канцлера. Не дождавшись ответа Бестужева, сотрудники канцелярии написали ему повторно 22 ноября (3 декабря). Однако последовала ли реакция на это послание, нам пока неизвестно⁶¹.

* * *

На полях перевода реляции Кейзерлинга от 13 (24) декабря 1746 г. сохранилась помета, скорее всего принадлежащая канцлеру Бестужеву и адресованная Елизавете Петровне. В этом небольшом тексте подводятся итог сложной миссии российского дипломата, продлившейся от идеи до воплощения почти два года: «Ея Императорское Величество искусство графа Кейзерлинга из того всемилостивейше приметить изволит, что хотя он как сперва в Франкфурт, так потом в Регенсбург нарочно посылан был, дабы признание Ея Императорскому

⁵⁹ Перевод реляции: Там же. Д. 2. Л. 465–477 об.

⁶⁰ См. экстракт протокола заседания коллегии имперских князей от 16 декабря 1746 г. и его перевод: Там же. Л. 463 об., 493 об.

⁶¹ Там же. 1747. Д. 1. Л. 1–7.

Величеству всевысочайшаго императорского достоинства от Римской империи изходатайствовать, не имея притом никаких других комисей, но он не токмо никакой негоциации при сеймовом собрании о том не производил, но ниже вида не подал, якобы он затем туда отправлен был»⁶². При этом изначально ни у Елизаветы Петровны, ни у Бестужева, имевшего опыт службы в Священной Римской империи, не было представления о том, как подступиться к проблеме титула. Предложенный Кейзерлингом вариант оказался прост: передать верительную грамоту и получить отпускную, и так дважды – во Франкфурте и Регенсбурге. Императрица и её канцлер доверились дипломату и фактически лишь санкционировали его действия на каждом этапе миссии.

Сам Кейзерлинг отмечал, что не смог бы решить поставленную перед ним задачу без поддержки представителей курфюрстов Майнца, Саксонии, Богемии и присоединившихся к ним на завершающем этапе дипломатов курфюрста Бранденбурга и короля Дании, с которой Россия заключила трактат о дружбе 10 (21) июня 1746 г., а также императора Франца I. Из этого можно заключить, что момент для признания императорского титула был выбран как нельзя более удачно. Война за австрийское наследство, затрагивавшая интересы европейских держав и имперских штатов, вынуждала их искать помощи Елизаветы Петровны, занимавшей выжидательную позицию и до определённого момента не вмешивавшейся в конфликт, чем Кейзерлинг с блеском воспользовался. Добиться включения Гольштейн-Готторпа в число имперских штатов, имевших индивидуальный голос в коллегии имперских князей, дипломату не хватило времени: императрица торопила его с отъездом к новому месту назначения – в Берлин. Эту задачу предстояло решать другим.

Миссия Кейзерлинга, ход которой был детально восстановлен в настоящей статье, ещё нуждается в осмыслении. За её рамками остались проблемы церемониала на выборном собрании во Франкфурте и рейхстаге в Регенсбурге, методы работы дипломата, его размышления об устройстве Священной Римской империи и её институтов, реакция имперских штатов на действия российского двора. Всё это требует привлечения дополнительных источников – прежде всего корреспонденции имперских дипломатов – и заслуживает дальнейшего исследования.

Об авторе:

Мария Александровна Петрова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 119334 Москва Ленинский проспект 32 а. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

⁶² Там же. 1746. Д. 2. Л. 471–471 об.

UDC: 94, 327
Received: November 10, 2021
Accepted: December 10, 2021

Hermann Karl von Keyserlingk and the Recognition of the Russian Imperial Title by the Holy Roman Empire in 1745–1746.

Maria A. Petrova
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109)

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article, based on the unpublished documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, reveals for the first time details of a little-known episode in the history of the Russian diplomatic service – the mission of Empress' Elisabeth I minister plenipotentiary Count of Courland Hermann Karl von Keyserlingk to Frankfurt am Main and Regensburg during the War of the Austrian Succession. The mission's goal was to achieve recognition of the Russian imperial title from the Emperor of the Holy Roman Empire. The author managed to find out, it was Keyserlingk who had the idea to send the official representative of Russia to the election of the Emperor in Frankfurt in 1745 and then in 1746 to the Imperial Diet in Regensburg, which approved the election results. Keyserlingk proposed the most straightforward plan that did not damage the prestige of Elisabeth I – to transfer the credentials with the imperial title to the College of Electors and to receive a recreditive (leave-letter), trying to get the title included in the text. The same should have been done at the Imperial Diet. The main task of the diplomat was to prevent the issue of the title from becoming the subject of discussion at meetings of the College of Electors and at the Diet, since the details of the discussion would undoubtedly get into the official documents of these institutions and become public. The moment for solving this delicate issue turned out to be a good one: the continued hostilities forced the Imperial Estates to seek help from Russia. As a result, they were ready to do Elisabeth I a favor. This largely explains the success of Keyserlingk's mission, which enjoyed the support of imperial diplomats – representatives of the Electors of Mainz, Saxony, Bohemia and at the final stage – of the Elector of Brandenburg, King of Denmark and Emperor Franz I. The article also examines Keyserlingk's participation in recognizing the seventeen-year-old Grand Prince Peter as Duke of Holstein-Gottorp, a legal major a year early.

Keywords: Russian diplomacy, College of Foreign Affairs, Election meeting in Frankfurt am Main, Imperial Diet in Regensburg, College of Electors, Elisabeth I, Maria Theresia

About the author:

Maria A. Petrova – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 119334. 32a Leninskiy prospect, Moscow, Russia. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflicts of interest.

References:

Düwel S. 2016. *Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der „preußischen Befehdungssache“ 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden* (2 Teilbände). Berlin: LIT. 985 s. (In Russian)

Anisimov M.Ju. 2020. *Rossija v sisteme velikih derzhav v carstvovanie Elizavety Petrovny (1741-1761 gg.) [Russia in the System of Great Powers in the reign of Elizabeth Petrovna (1741-1761)]*. Moscow: Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK. 457 p. (In Russian)

Bantysh-Kamenskij N.N. 1896. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god). V 4-h chast-jah [Review of the Russian Foreign Relations till 1800]. T. 2: Germanija i Italija [Germany and Italy]*. Moscow: Tipografija Je. Lissnera i Ju. Romana. 273 p. (In Russian)

Ivonin Ju.I. 2009. *Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee Novoe vremja. 1495–1806. [Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Time]*. T. 2. Moscow: TransLit. 336 p. (In Russian)

Martens F.F. 1874. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossieju s inostrannymi derzhavami [Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers]*. T. I: Traktaty s Avstrijeju. 1648–1762. Saint-Petersburg: Tipografija Ministerstva putej soobshhenija (A. Benke). 324 p. (In Russian)

Nekrasov G.A. 1972. *Mezhdunarodnoe priznanie rossijskogo samodержавija v XVIII v. [International Recognition of the Russian Autocracy in the 18 Century]. Feodal'naja Rossija vo vseмирno-istoricheskom processe: Sbornik statej, posvjashhennyj L'vu Vladimirovichu Cherepninu*. Moscow: Nauka. P. 381–389. (In Russian)

Nelipovich S.G. 2010. *Sojuz dvuglavyh orlov: russko-avstrijskij voennyj al'jans vtoroj chetverti XVIII v. [The Union of Double-headed Eagles: the Russian-Austrian Military Alliance of the Second Quarter of the 18th Century]*. Moscow: Kvadriga. 408 p. (In Russian)

Florovskij A.V. 1972. *Stranica istorii russko-avstrijskih diplomaticheskikh otnoshenij XVIII v. [Page of the History of Russian-Austrian Diplomatic Relations of the 18th Century]. Feodal'naja Rossija vo vseмирno-istoricheskom processe: Sbornik statej, posvjashhennyj L'vu Vladimirovichu Cherepninu*. Moscow: Nauka. P. 389–397. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Анисимов М.Ю. 2020. *Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741-1761 гг.)*. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 457 с.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1896. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. В 4-х частях. Ч. 2: Германия и Италия. Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 273 с.

Ивонин Ю.И. 2009. *Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806*. Т. 2. Ч. 2. Москва: ТрансЛит. 336 с.

Мартенс Ф.Ф. 1874. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами*. Т. I: Трактаты с Австриею. 1648–1762. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке). 324 с.

Некрасов Г.А. 1972. *Международное признание российского самодержавия в XVIII в. Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину*. Москва: Наука. С. 381–389.

Нелипович С.Г. 2010. *Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.* Москва: Квадрига. 408 с.

Флоровский А.В. 1972. Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину.* Москва: Наука. С. 389–397.